

Федерация Родезии и Ньясаленда в исторической перспективе: белые начинают и проигрывают¹

«Моя работа легка, ибо Федерация Родезии и Ньясаленда – счастливая и процветающая страна».

Лорд ЛЛЕВЕЛЛИН, генерал-губернатор Федерации (1956)²

Андрей Александрович Захаров (р. 1961) – политолог, редактор журнала «Неприкосновенный запас», доцент Российского государственного гуманитарного университета.

В истории африканского федерализма недолговечному союзу, объединившему три британских владения в Центральной Африке, принадлежит особое место. Этот выдающийся продукт политического дизайна колонизаторов на протяжении десяти лет обеспечивал «проживание под одной крышей» самоуправлявшейся белой колонии Южная Родезия (ныне Зимбабве) и обделенных самоуправлением протекторатов в лице черно-белой Северной Родезии (Замбии) и черно-белого Ньясаленда (Малави). Понятно, что перед исследователем, подступающим к этой теме, незамедлительно встает вопрос: а какой, собственно, смысл копать в этом, с позволения сказать, политическом антиквариате, едва ли способном заинтересовать кого-либо, кроме историков-африканистов? От британской колониальной империи на «черном континенте», как и от ее поселенческих экспериментов, уже давно ничего не осталось, а суверенные власти в Хараре, Лусаке и Лилонгве – как скорее всего и их подданные – едва ли помнят о давнишнем федеративном альянсе с соседями.

Тем не менее, несмотря на естественность этого изначально скептицизма, его трудно признать оправданным. В перспективе сравнительного федерализма странный конгломерат, просуществовавший с 1953-го по 1963 год, предлагает ценнейшую пищу для аналитических упражнений, обогащая осмысление таких сюжетов, как цели, дизайн, дисфункции федеративных объединений. Согласно ретроспективным признаниям специалистов, этот «самый неоднозначный эксперимент, предпринятый Британской империей в сфере государственного строитель-

1 Я благодарю Вадима Королькова за неоценимую помощь в подборе материалов, использованных в этой статье. Исследование выполнено в НИУ ВШЭ за счет средств гранта РФФ № 21-18-00123.

2 LORD LLEWELLYN. *Some Facts about the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // African Affairs. 1956. Vol. 55. № 221. P. 266.

ства», оказался «экстраординарной ошибкой и исторической aberrацией»³: уже одного этого достаточно, чтобы присмотреться к нему повнимательнее. Более того, забегая вперед, стоит заметить, что уроки Федерации Родезии и Ньясаленда отнюдь не являются чисто «африканскими» – они сохраняют свою универсальную значимость для любого федералистского контекста независимо от исторических рамок, континентальной локации и цвета кожи задействованных в нем акторов. И, наконец, российского читателя едва ли оставят равнодушными установки некоторых апологетов этого стародавнего проекта, согласно которым черно-белая Федерация Центральной Африки была призвана среди прочего убедить международную общественность в том, что мирно разрешать проблему сосуществования разных рас в рамках одного государства способен не только Советский Союз⁴. Правда, советскую прессу подобные самонадеянные сопоставления, предлагаемые «буржуазными идеологами», ничуть не впечатлили: в ней Федерацию Родезии и Ньясаленда без лишних церемоний называли «искусственным строением», «величайшей из английских колониальных авантюр второй половины XX века»⁵.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

ПАРТНЕРСТВО ВСАДНИКА И ЛОШАДИ

Исследователи с самого начала обращали внимание на то, что возникшее в 1953 году посреди Африки федеративное государство было союзом политически, экономически, социально неравноценных и непохожих частей. Британские поселенцы, как известно, осваивали африканские земли дискретно: где-то их было довольно много, а где-то не было совсем. Интересно, что в составе федеративного объединения, учрежденного в Центральной Африке, оказались территории как первого, так и второго типа. На момент создания нового государства расовая палитра трех территорий выглядела следующим образом: Южная Родезия – 138 000 белых и 2 010 000 черных; Северная Родезия – 37 000 белых и 1 890 000 черных; Ньясаленд – 4000 белых и 2 390 000 черных⁶. Собственно говоря,

3 НУАМ R. *The Geopolitical Origins of the Central African Federation: Britain, Rhodesia and South Africa, 1948–1953* // *The Historical Journal*. 1987. Vol. 30. № 1. P. 145.

4 Об этом писал, например, профессор Оксфордского университета Кеннет Кирквуд: KIRKWOOD K. *British Central Africa: Politics under Federation* // *The Annals of the American Academy of Political and Social Science*. 1955. Vol. 298. P. 130.

5 См., например: Гейвандов К. *Центральная Африка: конец крупной авантюры* // *Азия и Африка сегодня*. 1963. № 3. С. 9.

6 Данные относятся к 1951 году; см.: KIRKWOOD K. *Op. cit.* P. 130. К 1956 году картина была уже несколько иной: на 175 000 белых в Южной Родезии, 64 800 в Северной Родезии и 6700 в Ньясаленде приходилось в совокупности около 7 000 000 черных (LORD LLEWELIN. *Op. cit.* P. 266).

за этими впечатляющими цифрами отчетливо проступает *idée fixe*, вдохновлявшая местных «отцов-основателей» на дерзкий административный эксперимент: в условиях начинающегося демонтажа британской колониальной империи им нужно было довольно срочно придумать какую-то схему, которая позволяла бы немногочисленному белому населению более или менее гармонично и, главное, надолго приспособиться к преобладающе черному контексту. Попутно нужно было исхитриться пресекать возможные эксцессы со стороны как верхов, так и низов. Сцилла и Харибда, между которыми предстояло проскользнуть, были не только политически осязаемыми, но и географически близкими: их являли, с одной стороны, террор доминирующего белого меньшинства в Южно-Африканском Союзе, с 1948 года воплощавшийся в политике апартеида, а с другой стороны, террор бесправного черного большинства в Кении, примерно в то же время вылившийся в восстание «мау-мау».

Интересно, что создатели новоявленной федерации не просто верили в чудо – они были убеждены в успехе своего предприятия. Так, британский генерал-губернатор Родезии и Ньясаленда рассуждал в 1956 году следующим образом:

«Мы отнюдь не “страна черного человека”, подобная Уганде или Золотому Берегу, куда люди из Великобритании приезжают лишь на работу, через короткое время возвращаясь домой, Но в то же время мы и не “страна белого человека”. И африканцы, и европейцы, и индийцы находятся здесь на равных правах, и каждая группа имеет право голоса в государственном управлении. В этой федерации никто не пытается навязывать верховенство одной расы над другой»⁷.

Испытывая вполне законное недоверие к системе апартеида и предвидя ее будущее сбой, британские чиновники и значительная часть белых поселенцев ориентировались не на разделение рас, а на их амальгаму; со временем, считали они, политическое представительство, связанное с цветом кожи, скорее всего вообще удастся упразднить. Но идти в это будущее было нелегко, поскольку мнения Вестминстера и белых общин обеих Родезий и Ньясаленда совпадали далеко не полностью. Этим был обусловлен двойственный характер задачи, вставшей перед колониальными властями. Как писал один из комментаторов-современников, «с одной стороны, им нужно убедить африканцев в том, что у федерации есть преимущества, а с другой стороны, необходимо доказать местным евро-

7 LORD LLEWELLIN. *Op. cit.* P. 269. Как и в соседней Южной Африке, индийцы в федерации попадали в категорию «цветных»; ее общая численность в двух Родезиях и Ньясаленде составляла 19 000 человек (Kirkwood K. *Op. cit.* P. 130).

пейцам, что доверие со стороны африканцев по-настоящему важно»⁸. Последнее обстоятельство оказывалось особенно значимым в свете фундаментального недоверия, питаемого черными элитами к новорожденному проекту: они не без оснований подозревали его инициаторов в очевидной корысти. «Африканцы быстро поняли, что учреждение федерации будет означать еще больший контроль над ними со стороны белых поселенцев»⁹.

Сложность ситуации усугублялась тем, что межрасовое партнерство виделось здравомыслящим политическим элитам делом не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня: с ним, по их мнению, нельзя было торопиться, поскольку неконтролируемый «взрыв политического участия»¹⁰ – приток неискушенных масс в политику – угрожает разнести в щепки всю социальную систему. По словам наблюдателя, хорошо знавшего местную ситуацию, «среди европейцев бытует мнение, согласно которому участие в голосовании требует особых и сложных навыков, которые есть далеко не у всех»¹¹. В сущности говоря, ту же самую позицию издавна отстаивали английские либералы; чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к творчеству Джона Стюарта Милля и его сподвижников¹². Более того, сходство подобных аргументов с теми, что высказывались, скажем, в дискуссиях, касающихся английского Билля о парламентской реформе 1832 года¹³, тоже бросается в глаза. Но, хотя особо бесцеремонные британские публицисты той достопамятной поры и пытались трактовать общественные классы как подобия непримиримо противостоящих друг другу «рас», настоящего расового конфликта Британские острова тогда, разумеется, еще не знали. Как следствие, в XIX веке либеральные круги Англии располагали и временем, и пространством для намечаемого маневра; а вот в XX веке у либеральных (или не слишком либеральных) кругов Центральной Африки не было ни того ни другого. Именно поэтому правильная по сути логика обернулась электоральным абсурдом, в конечном счете и

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

- 8 MASON P. *Prospects and Progress in the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // African Affairs. 1962. Vol. 61. № 242. P. 19.
- 9 ROSBERG C. *The Federation of Rhodesia and Nyasaland: Problems of Democratic Government* // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1956. Vol. 306. P. 98.
- 10 Термин *participation explosion* в начале 1960-х предложили Габриэль Алмонд и Сидни Верба: ALMOND G., VERBA S. *The Civic Culture: Political Attitudes and Democracy in Five Nations*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1965. P. 2.
- 11 MASON P. *Op. cit.* P. 18.
- 12 См., в частности: Милль Д.С. *Рассуждения о представительном правлении*. Челябинск: Социум, 2006. Гл. VIII («О расширении избирательного права»); TEN C.L. *Democracy, Socialism, and the Working Classes* // SCORUPSKI J. (Ed.). *The Cambridge Companion to Mill*. Cambridge: Cambridge University Press, 1998. P. 372–395.
- 13 Подробнее об этом см., в частности: CANNADINE D. *Victorious Century: The United Kingdom, 1800–1906*. London: Penguin Books, 2018. P. 153–166.

погубившим федерацию. Да и можно ли было ожидать чего-то другого, когда «весь белый электорат Центральной Африки по численности [был] примерно эквивалентен электорату одного избирательного округа в Соединенном Королевстве»?¹⁴ Что же касается чернокожих граждан трехзвенного союза, то они в подавляющем большинстве вообще не имели доступа к избирательным урнам, причем расовые основания даже не были здесь на первом плане, поскольку главными ограничителями электоральных прав выступали образовательный и имущественный цензы – вполне «либеральные» по своему духу приспособления. Один из видных деятелей Южной Родезии рассуждал на эту тему:

«Организовать африканское представительство в нижней палате парламента [будущего федеративного государства] будет не просто. Хотя у нас и имеются интеллигентные и цивилизованные африканцы, а также есть определенное число образованных африканцев, подавляющее большинство из них все еще сущие дикари»¹⁵.

Как же эта федералистская аномалия появлялась на свет, какие процессы и акторы способствовали ее рождению? Стоит отметить, что первые предложения о слиянии двух Родезий прозвучали еще в 1915-м: инициативу тогда проявила «Британская южноафриканская компания» – структура, основанная в 1889 году Сесилем Родсом для колонизации региона. Предпринимателей, что вполне понятно, интересовали прежде всего пути сокращения административных издержек. Но мощная поселенческая община Южной Родезии, которая в ту эпоху добивалась самоуправления, отвергла этот план как противоречащий собственным интересам; элиты Солсбери боялись, что реализация их амбиций в случае слияния затормозится. Комиссия под председательством Хилтона Янга, учрежденная британским Министерством по делам колоний и работавшая в 1927–1929 годах, вторично обратилась к той же теме, на этот раз официально оценив сближение Южной Родезии и Северной Родезией как желательное, прежде всего в экономическом плане. Интересно, что на этот раз белые Южной Родезии заявили о поддержке интеграционных планов – в 1923 году их земля все-таки получила статус самоуправляющейся колонии, – но зато теперь оказались не в восторге белые из Северной Родезии и Ньясаленда: для их общин, которые представляли собой выраженные меньшинства (причем во втором случае речь шла едва ли не о статистической погрешности), перенесение в места их проживания южно-родезийской политики расовой сегрегации представлялось сущим

14 Kirkwood K. *Op. cit.* P. 140.

15 Сэр Годфри Хаггинс цит. по: KENDLE J. *Federal Britain: A History*. London; New York: Routledge, 1997. P. 135.

кошмаром. Поселенцам удалось договориться между собой только к 1936 году, когда в Виктория-Фолс встретились делегации Законодательного совета Северной Родезии и основных политических партий Южной Родезии, рекомендовавшие Лондону продумать форму, механизмы и график объединения двух стран. Официально идея мотивировалась прочными экономическими связями между двумя владениями, а также стремлением учредить в центре Африки мощное государство, основанное на британских культуре и традициях.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Межрасовое партнерство виделось здравомыслящим политическим элитам делом не завтрашнего и даже не послезавтрашнего дня: с ним, по их мнению, нельзя было торопиться, поскольку неконтролируемый приток неискушенных масс в политику угрожает разнести в щепки всю социальную систему.)

Британское правительство, однако, прислушалось к ней лишь в 1948 году. К тому моменту было несколько причин, способствовавших активизации «федералистов из Уайтхолла». Во-первых, Лондон не хотел, чтобы политический класс Южной Родезии попал под влияние националистов-африканеров, которые после войны пришли к власти в соседней Южной Африке и явно тяготились колониальным правлением¹⁶. «Учредить федерацию означает воздвигнуть бастион, сдерживающий распространение расовой политики Южно-Африканского Союза на соседние территории», – отмечал американский исследователь¹⁷. В то время, когда чудовище апартеида, к немалому ужасу британского политического класса, начало вставать в полный рост, этот мотив был более важным, чем может показаться из дня сегодняшнего. Один из британских чиновников, занимавшихся родезийским вопросом, в 1950 году писал:

«Одной из наших первейших целей выступает сдерживание Южной Африки, которое блокировало бы распространение ее влияния и суверенитета на север. Если мы умышленно или нечаянно передадим британские общины на востоке и в центре континента под крыло [Южно-Африканского] Союза, то вся наша предшествующая работа в Африке будет провалена. [...] Миллионы африканцев окажутся под ярмом»¹⁸.

16 McKenna A. (Ed.). *The History of Southern Africa*. New York: Britannica Educational Publishing, 2011. P. 192.

17 Rosberg C. *Op. cit.* P. 98.

18 Цит. по: Nyam R. *Op. cit.* P. 154–155.

Во-вторых, грядущую интеграцию стимулировал послевоенный экономический бум: в Южной Родезии шла стремительная индустриализация, попутно подталкивавшая вперед развитие горнорудной промышленности «медного пояса» Северной Родезии и сельского хозяйства Ньясаленда. Товарно-денежные связи между регионами становились все более прочными, а необходимость координировать экономическую политику делалась все более насущной. Между тем местные рынки сбыта оставались ограниченными, а производители остро нуждались в более внушительном государственном конгломерате, способном не только экономически конкурировать с местным колоссом в лице Южно-Африканского Союза, но также запускать большие инфраструктурные проекты и получать крупные заграничные займы¹⁹.

Наконец, в-третьих, интеграция в колониях подогревалась нуждами деколонизации, раскаты которой после Второй мировой войны становились все громче. Стараясь подходить к делу ответственно, Лондон стремился позаботиться о будущей самодостаточности и, следовательно, жизнеспособности владений, которым предстояло вскоре отправиться в автономное плавание. Выступая в начале 1949 года, премьер-министр Клемент Эттли формулировал эту задачу так:

«Нашей целью должно стать вовсе не создание великого числа мелких политических образований, технически независимых, но на деле изолированных и хрупких; вместо этого нам надлежит продвигать новые методы и принципы ассоциации и интеграции»²⁰.

Разумеется, на первый план при таком подходе выходили федеративные схемы, с которыми британцы уже не раз экспериментировали – заинтересованные наблюдатели видели в этом «извечную британскую склонность обращаться к “федеральной панацее” ради решения вековых имперских проблем»²¹.

Интересно, однако, что мнением самих африканцев, которых вроде как вознамерились защитить от апартеида, никто особо не интересовался – несмотря на звучавшие иногда заявления об обратном. В то время как обе Родезии стремились к сближению под давлением белых поселенцев и горнорудных компаний, успешно лоббировавших собственные интересы в Лондоне, нищий и черный Ньясаленд, где европейцы практически не жили, оказался членом союза лишь потому, что британское правительство сочло недопустимым расточительством дальнейшее обособленное управление существующей

19 Подробнее см.: GANN L.H. *Central Africa: The Former British States*. Englewood: Prentice-Hall, 1971. P. 139–140.

20 Цит. по: KENDLE J. *Op. cit.* P. 123.

21 НУАМ R. *Op. cit.* P. 145.

на субсидии и дотации миниатюрной территорией²². В свете сказанного не удивительно, что Южная Родезия, на которую приходились три четверти электората будущей федерации, рассматривала протектораты в качестве бесправной и зависимой периферии, а лишенные избирательных прав миллионы коренных жителей практически не учитывались в политических калькуляциях колонистов. Первый премьер-министр объединенного государства, сэр Годфри Хаггинс, занимавший свой пост в 1953–1956 годах и выступавший главным архитектором федеративного проекта с родезийской стороны, сравнивал отношения между белыми поселенцами и чернокожими с «партнерством всадника и лошади»²³. В конечном счете, после долгих закулисных дискуссий – о некоторых из них будет сказано ниже – план федерализации, которому, как и полагается, предшествовал довольно оживленный торг всех заинтересованных сторон, воплотился в жизнь 1 августа 1953 года. Это было сделано новым, пришедшим к власти в 1951 году, консервативным правительством, невзирая на громкое недовольство чернокожих во всех трех владениях, а также на то, что европейское население составляло в британской Центральной Африке мизерную долю, совокупно не превышавшую 5%.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Первый премьер-министр объединенного государства, сэр Годфри Хаггинс, выступавший главным архитектором федеративного проекта с родезийской стороны, сравнивал отношения между белыми поселенцами и чернокожими с «партнерством всадника и лошади».

БЕЛОЕ – ЧЕРНОЕ – ЧЕРНО-БЕЛОЕ

Сделав эскизный набросок интересующей нас федералистской драмы, стоит более подробно рассмотреть ее внутренние пружины. Как уже говорилось, федеративная государственность утвердилась на берегах Замбези после нескольких неудачных (или отложенных) объединительных попыток. Местным локомотивом интеграции с самого начала выступала наиболее развитая Южная Родезия, белые поселенцы которой в 1923 году добились-таки от Вестминстера внедрения системы «ответственного правительства» (*responsible government*), означавшей

22 См.: DIKSHIT R.D. *The Political Geography of Federalism: An Inquiry into Origins and Stability*. New Delhi: The Macmillan Company of India, 1975. P. 180–187

23 Ibid. P. 202.

довольно широкое самоуправление территории. При этом экономические интересы многих южан теснейшим образом были связаны с соседней Северной Родезией, где находились обеспечивавшие их благосостояние медные, хромовые и цинковые шахты. Это обстоятельство, несомненно, поддерживало объединительный порыв. Помимо экономических выкладок, в пользу интеграции говорили и разделяемые белыми Солсбери политические резоны. Местную поселенческую общину, которая, будучи довольно многочисленной, твердо держала в руках рычаги управления колонией, с определенных пор все больше начинала тяготить опека со стороны далекой метрополии. По этой причине «одним из главных мотивов, побуждавших здешних белых настаивать на более тесной ассоциации, было желание устранить или хотя бы урезать контроль Соединенного Королевства над местной политикой и местным администрированием»²⁴ – прежде всего в отношении черных.

Настроения белого сообщества Центральной Африки ощути-мо подогрели сдвиги во внутренней политике послевоенной Великобритании: в 1945 году к власти там пришли лейбористы, которых консервативно настроенные поселенцы откровенно недолюбливали, подозревая их в избыточной озабоченности благополучием африканцев. И хотя различные белые фракции без устали сражались между собой, отстаивая собственные проекты прекрасного – и, разумеется, преимущественно белого – будущего, их разногласия отступали на второй план перед консолидированным желанием отодвинуть Лондон от вмешательства во внутренние дела «белой Африки». Упомянувшийся выше Годфри Хаггинс, до объединения руководивший Южной Родезией на протяжении двух десятилетий, стяжал немалые симпатии в поселенческих кругах, когда в одной из публичных дискуссий, проходивших накануне федерализации, заявил, что глухота британского правительства к нуждам белых колонистов вполне может толкнуть последних на «революционный путь» – взяв за образец североамериканские колонии Великобритании XVIII столетия. Надо сказать, что к примеру «отцов-основателей» США местные политики апеллировали не раз.

Фактически, как констатирует кембриджский историк Рональд Хайм, от того, куда именно – на юг или на север – пойдет Южная Родезия, зависела судьба всей британской политики в южной части африканского континента. Дрейф на север означал бы более тесную сплоченность родезийских территорий под дисциплинирующим контролем Лондона, не позволяющим бесшабашным поселенцам окончательно «распоясаться», презрев нужды чернокожих. Дрейф на юг повлек бы за со-

24 Kirkwood K. *Op. cit.* P. 132.

бой постепенное поглощение южнородезийской «самоуправляющейся колонии» могучим Южно-Африканским Союзом и новую победу расизма, который после 1948 года расширял свои плацдармы на континенте. Причем «какой-то из этих исходов казался неизбежным, поскольку страна была слишком маленькой и отрезанной от моря, чтобы выжить в одиночку»²⁵. Иначе говоря, поселенцев требовалось заинтересовать первым вариантом и отвлечь от второго. Однако инструментарий, который Вестминстер мог задействовать для решения этой двуединой задачи, был весьма скуден.

Теоретически допустимым считалось полное слияние двух Родезий в одно государство, и поселенцы, возможно, позволили бы убедить себя в его приемлемости, но в Лондоне понимали, что с такой опцией никогда не согласятся африканцы, ибо политика сегрегации, насаждаемая из Солсбери, в этом случае распространилась бы вширь. Далее, частичная амальгама, предполагавшая изолированное вхождение в Южную Родезию только индустриального «медного пояса» Северной Родезии, представлялось грубой «вивисекцией», на которую никогда бы не пошли северо-родезийские поселенцы – кстати, их лидер Рой Веленски, который станет вторым (и последним) премьер-министром будущей федерации, с 1948 года категорически отказался от слияния двух Родезий, настаивая на их федеративном союзе. Наконец, конфедеративная лига двух владений, базирующаяся на сотрудничестве без уступки суверенитета, едва ли могла привлечь Южную Родезию, которая от этого сценария вообще ничего не получала. Рассмотрев весь набор представленных на тот момент альтернатив, Хайм подытоживает: «Таким образом, становилось ясно, что единственным вариантом, на который могут согласиться все стороны, выступит федерация»²⁶. Федеральная схема была предпочтительнее унитарного устройства еще и потому, добавляет Джон Кендл, что она «позволила бы составным частям будущего государства самостоятельно контролировать политику в отношении африканского населения, а это представлялось очень важным для чернокожих жителей Северной Родезии и Ньясаленда»²⁷.

Имея на руках довольно плохие карты, Лондон решил не испытывать терпения белых общин, дав зеленый свет процессу интеграции Южной Родезии с Северной Родезией. Правда, за эту уступку колонистам пришлось заплатить: они вынуждены были согласиться на включение в интеграционный проект и дотационного Ньясаленда, который Уайтхолл, воспользовавшись случаем, просто решил отдать «в хорошие руки» – по-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

25 HYAM R. *Op. cit.* P. 155.

26 *Ibid.* P. 157.

27 KENDLE J. *Op. cit.* P. 135.

путно избавив себя от расходов на содержание этой, как считалось, не слишком перспективной территории. (В английских владениях этот протекторат располагался буквально «на отшибе»: его граница с принадлежавшим португальцам Мозамбиком была протяженнее границ с соседними британскими юрисдикциями.) После того, как и в Солсбери, и в Лусаке с этой нечаянной «нагрузкой» согласились, правительство Великобритании окончательно благословило проект. В начале 1950-х в английской столице прошла серия конференций с участием представителей трех владений, на которых выработывалась оптимальная модель объединения. Интересно, что на первом таком форуме, состоявшемся в 1951 году, в делегации Южной Родезии не было ни одного чернокожего представителя; когда же на следующей конференции (1952) такая репрезентация от «самоуправляющейся колонии» все-таки была обеспечена, черные политики из Северной Родезии и Ньясаленда, напротив, вообще решили подвергнуть мероприятие бойкоту. Наконец, на финальной конференции (1953), где собрались уже все, белые политические элиты при посредничестве британцев смогли сговориться между собой – несмотря на солидарную критику федеративного проекта представителями черного населения всех трех(!) интегрирующихся территорий. Кстати, реагируя на это единодушие, британская пресса и британская публика в основном симпатизировали африканцам. Иначе говоря, уже у колыбели новорожденного государства было понятно, что путь его будет тернистым.

Кстати, тем, кто интересуется историей федерализма, полезно будет узнать, что в качестве эксперта на первую конференцию был приглашен профессор Оксфордского университета, сэр Кеннет Уэйр – один из классиков федералистской мысли XX века и автор знаменитой книги «Федеральное правление» (1946)²⁸, который незадолго до этого, в 1946–1947 годах, был вовлечен в процесс вхождения острова Ньюфаундленд в состав канадской федерации²⁹. Правительство Южной Родезии начало консультироваться с ним еще в конце 1940-х. Уэйра планируемые преобразования не впечатлили:

«Будет очень трудно создавать федерацию из территорий, отличающихся столь разными уровнями конституционного развития. Ньясаленд едва ли преуспеет в том, чтобы поднять свой статус до статуса Южной Родезии, но, пока не произойдет что-то подобное, Южная Родезия будет сталкиваться с неприемлемым сокращением собственной автономии. Кроме того, возникает проблема контроля бри-

28 См. перевод фрагмента его книги: Уэйр К. *Что такое федеральное правление. Федеральное принцеп* // Неприкосновенный запас. 2021. № 5(139). С. 84–101. – *Примеч. ред.*

29 Подробнее о причастности Уэйра к созданию Федерации Родезии и Ньясаленда см.: KENDLE J. *Op. cit.* P. 135–136, 139–140.

танского правительства над политикой Северной Родезии в отношении африканцев. С конституционной точки зрения лучшим ответом на возникающие проблемы стало бы унитарное государство»³⁰.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

Последующие события, по словам историка, подтвердили все эти предостережения.

Поскольку Южная Родезия как «самоуправляющаяся колония» обладала особым правовым статусом, там нужно было организовать референдум. Он состоялся в апреле 1953 года, причем в ходе голосования большинство местных избирателей (25 570 против 14 729) поддержало федерацию. В двух протекторатах такая процедура не требовалась: хватило простого одобрения вестминстерской инициативы местными законодательными ассамблеями. Сам британский парламент окончательно одобрил акт об учреждении федеративного союза в Центральной Африке в мае 1953 года 247 голосами против 221. Фактически, по итогам всей объединительной кампании Лондон согласился на утверждение в своей Центральной Африке тройственной конструкции: Южная Родезия – в руках белых, Ньясаленд – в руках черных, Северная Родезия – где-то посередине³¹. Творцы нового проекта нарочито закрывали глаза на то, что коренным жителям эта политическая новинка была откровенно не нужна, о чем в ходе конституционных дебатов 1949–1953 годов неоднократно и громко заявляли черные политики. (Точнее говоря, об этом факте ответственным лицам было известно, но англичане очень надеялись, что им все же удастся скорректировать настрой африканцев.) Естественно, главным раздражителем выступало то, что в выстраиваемом поселенцами и одобряемом колонизаторами федеративном здании гегемоном оказывалась Южная Родезия, твердо придерживавшаяся принципов расовой сегрегации. Ее местным обоснованием выступала «доктрина двух пирамид», предусматривавшая прогресс обоих основных сообществ, но только автономно друг от друга.

Одним из камней преткновения, затруднявших федеративный торг, стал вопрос о правовом статусе протекторатов и их политическом смысле. В ходе конституционных дебатов общественные организации чернокожих, действовавшие в Северной Родезии и Ньясаленде, без устали напоминали, что Великобритания не имеет никакого юридического права переуступить свою роль «протектора», опекающего эти территории, третьей стороне – а именно будущей федерации и стоящим за ней белым поселенцам из Солсбери, – поскольку королева Виктория в свое время заключала договоры напрямую с местными вождями, без посредничества каких-либо колонистов. Соответст-

30 BLAKE R. *A History of Rhodesia*. New York: Alfred A. Knopf, 1978. P. 249.

31 См.: MASON P. *Op. cit.* P. 20.

венно, британские протектораты в Центральной Африке, по логике чернокожих активистов, отнюдь нельзя было считать покоренными территориями, полностью утратившими, подобно типовой колонии, политическую субъектность. Вывод же из подобной диспозиции напрашивался сам собой: «Передача попечения над делами и землями африканцев из рук британской короны в руки нового федерального правительства или правительств составных частей федерации будет юридически ничтожной без согласия самих африканцев» – а соглашаться на это последние никак не собирались³². (Помимо всего прочего, ни в одном из африканских языков не было слова, соответствовавшего термину «федерация».)

Поскольку королева Виктория в свое время заключала договоры напрямую с местными вождями, без посредничества каких-либо колонистов, британские протектораты в Центральной Африке, по логике чернокожих активистов, отнюдь нельзя было считать покоренными территориями, полностью утратившими, подобно типовой колонии, политическую субъектность.

Негодование было настолько сильным, что в Ньясаленде, например, из 105 племенных вождей 85 поставили свои подписи под петицией против федерализации; в свою очередь Африканский национальный конгресс Ньясаленда считал федерацию неприемлемой, провозглашая эту территорию «африканским государством»³³ и настаивая на предоставлении ей такого же самоуправления, как в Южной Родезии³⁴. Позиция Африканского национального конгресса Северной Родезии была чуть мягче, но и тут до энтузиазма было далеко. Высокопоставленный английский чиновник, направленный сюда в 1952 году для зондажа общественного мнения, писал в Лондон: эмоциональное отрицание федерации африканскими элитами Лусаки базируется на том, что она «убивает всякие надежды на черное самоуправление – на решение по типу Золотого Берега, которое местный АНК собирался реализовать в ближайшие пять лет»³⁵. Действительно, победа, которую в 1951 года Кваме Нкрума и его «Народная партия конвента» одержали на выборах в Законодательное собрание Золотого Берега (после неза-

32 ROSBERG C. *Op. cit.* P. 101.

33 H. L. *The Future of the Central African Federation // The World Today*. 1955. Vol. 11. № 12. P. 541.

34 KIRKWOOD K. *Op. cit.* P. 138.

35 HYAM R. *Op. cit.* P. 165.

висимости переименованного в Гану), оказала тонизирующее воздействие на черных националистов по всей Африке.

Архитекторы федерации осознавали опасность взаимного «недопонимания», присущего сторонам будущего союза. В свете этого в фундамент федерации закладывалась система мер, призванных блокировать слишком явное ущемление черного большинства³⁶. Прежде всего при самом федеральном парламенте создавался постоянно действующий Совет по африканским делам, состоящий из трех чернокожих членов (по одному от каждой территории) и трех поселенцев, назначенных представлять интересы большинства; этот орган был обязан подвергать экспертизе все законодательные инициативы ассамблей. Далее, если федеральный парламент все-таки принимал законы, ухудшающие положение африканцев, то вестминстерский парламент имел право вето. Свои предохранители имелись и на уровне составных частей федерации, где подобного рода эксцессы могли сниматься непосредственно колониальной администрацией – фактически через голову местных законодательных ассамблей (впрочем, трудно себе представить нормотворчество расистского толка, скажем, в Ньясаленде, где коренные жители составляли более 99%). Самой сложной была ситуация с «самоуправляющейся» Южной Родезией, но и здесь, согласно законодательству, дискриминации мог воспрепятствовать местный министр по отношениям с Содружеством. Правда – и на это не преминули указать скептики, – с 1923 года вето этого чиновника не применялось ни разу: «Оно не мешало Южной Родезии выстраивать систему сегрегации, которая по своей жесткости едва ли не превосходит апартеид Южно-Африканского Союза»³⁷.

Таким образом, участниками федеративного торга, сопровождавшего появление на свет и дальнейшую эволюцию задуманного в Лондоне конструкта, были:

– Политики, представляющие большинство белых, согласные играть по правилам метрополии и готовые, при сохранении поселенческого доминирования, не слишком обижать африканцев. Они ориентировали местное население на смутный идеал «взаимовыгодного партнерства», который предстояло воплотить когда-то в будущем. Объединяла их «Федералистская партия».

– Политики, представляющие меньшинство белых, не желающие поддерживать административно-территориальный эксперимент и настаивающие на безоговорочном господстве поселенцев. Их идеалом после 1948 года выступала Южная Африка с ее системой апартеида, а выразителем их мнений стала «Кон-

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

36 Подробнее об этом см.: BAXTER G.H., HODGENS P.W. *The Constitutional Status of the Federation of Rhodesia and Nyasaland* // *International Affairs*. 1957. Vol. 33. № 4. P. 443–445.

37 H.L. *Op. cit.* P. 540.

федеративная партия», позже переименованная в «Партию Содружества».

– Политики, представляющие большинство черных, с разной степенью решительности – прежде всего в протекторатах, – отвергающие федеративный союз. Хотя изначально этот лагерь был пестрым, «вопрос о федерации прочно сплотил африканских националистов самых разных течений и направлений»³⁸, опорными точками которых сделались ответвления Африканского национального конгресса.

– Наконец, очень немногочисленная умеренно-либеральная белая и черная общественность, ориентированная на детальную выработку и последовательную реализацию доктрины «партнерства». При этом, правда, «белые либеральные организации того времени состояли из патерналистов, которые слепо верили в превосходство западной культуры и цивилизации и рассматривали африканцев как младших партнеров по политическому, экономическому и социальному совершенствованию общества»³⁹. Эта страта была слабее всех остальных и, не имея стационарной партийной трибуны, использовала в качестве своих рупоров немногочисленные общественные организации.

Главнейшим вопросом, вокруг которого велись споры, было взаимодействие белого и черного социумов. Все стороны, согласные участвовать в федеративном диалоге, соглашались в том, что та или иная разновидность сотрудничества неизбежна для выживания союза как единого образования. Но вот с четкими очертаниями грядущего «партнерства» действительно возникали проблемы. В доктрине, официально продвигаемой «Федералистской партией», признавалось, что африканцам должно быть обеспечено более широкое политическое участие, но при этом им следует оставить любые надежды на главную роль в партнерских отношениях.

Надо сказать, что в Южной Родезии, в отличие от протекторатов, не все черные лидеры с порога отвергали федерацию: если, например, будущий партизан и президент Роберт Мугабе сразу же заклеил ее как «инструмент, который будет использован для подавления [африканского] стремления к самоопределению и прогрессу», то его конкурент, тоже будущий партизан и вице-президент Джошуа Нкомо участвовал в лондонских переговорах 1952 года, проложивших ей дорогу. Южнородезийский активист, а потом министр независимой Зимбабве Натан Шамуярира постфактум так описывал надежды, связанные с имплементацией партнерства:

38 GANN L.H. *Op. cit.* P. 146.

39 МЛАМВО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965* // РАФТОПУЛОС В., МЛАМВО А. (Eds.). *Becoming Zimbabwe: A History from the Pre-Colonial Period to 2008*. Harare: Weaver Press, 2008. P. 94–95.

«Новая партнерская политика, которую предстояло закрепить в федеральной Конституции, должна будет быстро покончить с сегрегацией, унижением и игнорированием, от которых мы страдали на протяжении сорока лет, [...] северным территориям она поможет сломать расовые барьеры, а белые южане, вдохновляемые партнерством, примут такие законы, которые позволят нам получить причитающуюся долю политической власти, экономических благ и социальной справедливости»⁴⁰.

Несмотря на то, что концепция партнерства была закреплена в федеральной Конституции, ее воплощение в жизнь сразу же начало пробуксовывать. Во-первых, африканское общественное мнение негодовало по поводу того, что с ним о внедрении партнерских отношений вообще не консультировались. Во-вторых, белые подходили к этой доктрине с настороженностью, опасаясь, что за утверждением равноправия может последовать неприемлемое требование черного самоопределения. Наконец, в-третьих, рекламируемое федерацией партнерство по сути своей распространялось вовсе не на общности, а сугубо на избранных индивидов, сумевших совладать с «зачатками цивилизованного поведения»⁴¹. К концу 1950-х даже те представители африканских элит, у которых теплились какие-то надежды, разочаровались в «партнерстве» целиком и полностью. Упомянутый выше Шамуярира, оценивая в 1961 году достижения федерации, писал:

«Первейшим провалом федерации стала неспособность воплотить принципы многорасового партнерства, на которых она основывалась. Спустя семь лет после заключения федеративного союза все ключевые должности федеральной гражданской службы заняты исключительно белыми. В кабинете министров из девяти человек только один черный. Принадлежащая правительству федеральная авиакомпания использует африканцев только в качестве уборщиков, водителей и прочего низового персонала. За исключением медицинской сферы, ни правительство, ни частные работодатели не практикуют равную оплату за равный труд. Если говорить о сферах ответственности региональных правительств, то здесь сохраняется вопиющая дискриминация, особенно в Южной Родезии. Посты в местной гражданской службе доступны только для людей европейского происхождения. Сегрегация в вопросах проживания настолько жесткая, что даже чернокожий член кабинета не мог бы поселиться в белом пригороде, где живут остальные министры. Африканским бизнесменам нельзя вести дела в центральных кварталах главных городов, для перемещения по стране требуются пропуска, а многие кафе и рестораны закрыты для черных»⁴².

40 Цит. по: IDEM. *A History of Zimbabwe*. Cambridge: Cambridge University Press, 2014. P. 122–123.

41 Подробнее см.: ALBINSKI H. *The Concept of Partnership in the Central African Federation // The Review of Politics*. 1957. Vol. 19. № 2. P. 186–204.

42 Цит. по: MLAMBO A. *A History of Zimbabwe*. P. 123–124.

«Партнерство всадника и лошади», о котором упоминалось выше, явно не задавалось.

Наконец, присущая обеим сторонам диалога извечная боязнь того, что партнер тем или иным образом утвердит свое монопольное господство над политической системой, оборачивалась полнейшей неспособностью европейцев и африканцев выработать общую политическую идеологию, поскольку «и черные, и белые элиты рассматривали себя в качестве законных наследников империи»⁴³. Сохранение же узкокоммунальных паттернов политического представительства замыкало политическую деятельность в расовых рамках и мешало созданию «многоцветных» партий. Это был, если можно так выразиться, «трайбализм с вкраплениями белого», отчасти напоминавший всеобщий недуг постколониальных политических систем: аффилиации, обусловленные цветом кожи, здесь преобладали над аффилиациями, мотивируемыми общностью политических убеждений. До самого своего краха Федерация Родезии и Ньясаленда так и не смогла выпестовать мультирасовые партии. А это в свою очередь оборачивалось неустойчивостью всей политической системы. В целом же коллизию, связанную с партнерством, в своей «Истории Родезии» замечательно описал Роберт Блэк:

«Для европейцев “партнерство” означало экономический прогресс и подъем жизненного уровня, который обеспечивается усилиями обеих рас, в обозримой перспективе ведомых вперед белыми. Для образованного черного человека оно означало нечто другое; причем, невзирая на скептицизм белых, именно к его мнению прислушивались африканские массы всех трех территорий. “Партнерство”, к которому стремился образованный черный, означало гражданственность, равенство и, превыше всего, право распоряжаться собственной судьбой. Эти две концепции совсем не обязательно должны были конфликтовать друг с другом, но ход событий столкнул их, и этот конфликт оказался фатальным для федерации»⁴⁴.

НЕДОЛГОЕ ПРОЦВЕТАНИЕ И СОКРУШИТЕЛЬНОЕ ФИАСКО

В принципе, поначалу новорожденной федерации везло: экономические достижения союза признавали даже его недоброжелатели. Предпринятые за годы войны усилия по замещению импорта, с которым тогда возникли понятные сложности, дали свои результаты: в послевоенный период регион входил с диверсифицированной экономикой, в которой, помимо добычи

⁴³ GANN L.H. *Op. cit.* P. 138.

⁴⁴ BLAKE R. *Op. cit.* P. 283.

меди, а также цинка и хрома, набирали обороты строительство, сельское хозяйство, транспорт, туризм, сервисные отрасли. Регион стал привлекательным для инвесторов, причем не только южноафриканских и британских; как следствие, национальный доход вырос с 303 миллионов фунтов в 1954 году до 440 миллионов в 1959-м. Экспорт страны за первые шесть лет существования федерации увеличился на 74%⁴⁵. Правительство получило возможность реализовывать масштабные инфраструктурные проекты, самым известным из которых стала гидроэлектростанция Кариба на реке Замбези, возведенная в 1957–1959 годах руками итальянских строителей. В первые же послевоенные годы страна сделалась привлекательной для переселенцев, хлынувших сюда широким потоком: с 1946-го по 1951 год европейское население обеих Родезий увеличилось с 85 тысяч до 135 тысяч, причем с учреждением федерации бум продолжился. «Для усердных тружеников в нашем федеративном государстве отличные перспективы», – агитировал будущих иммигрантов генерал-губернатор федерации лорд Ллевеллин в 1956 году⁴⁶. И «усердные труженики» прислушивались; пиковым стал 1960 год, когда в Южной Родезии проживали 223 тысячи, в Северной Родезии – 76 тысяч, в Ньясаленде – 8,5 тысяч белых, то есть более 300 тысяч в совокупности⁴⁷.

Наибольшие выгоды федерация принесла, как и следовало ожидать, Южной Родезии. Ее экономика была самой диверсифицированной и передовой; кроме того, союз предоставил в ее распоряжение не только более крупные рынки сбыта, но и обширный пул рабочей силы, особенно из аграрного Ньясаленда. Выигрывала она и за счет ресурсной базы Северной Родезии, медный экспорт которой позволял финансировать дальнейшее совершенствование инфраструктуры по всей федерации. Подкосило этот бурный рост падение мировых цен на медь и другие металлы, начавшееся в конце 1950-х; инвестиции пошли на спад, приток квалифицированных рабочих рук из-за рубежа иссяк, экономика начала замедляться. На этом фоне в местных сообществах началось болезненное осознание того, что федерация – довольно дорогое удовольствие. Проблему вполне точно запечатлел сочувствующий американский наблюдатель:

«Две Родезии и Ньясаленд вынуждены были оплачивать работу федерального губернатора, губернаторов трех входящих в союз территорий, федерального и южнородезийского кабинетов министров, федерального парламента и южнородезийского парламента, двух исполнительных и двух законодательных советов Северной Родезии и Ньясаленда, а также мэров и муниципальных советов

45 См.: MLAMBO A. *A History of Zimbabwe*. P. 124.

46 LORD LLEWELLIN. *Op. cit.* P. 267.

47 См.: BLAKE R. *Op. cit.* P. 243–244.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ

ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

в крупных городах – и все это для обслуживания населения меньше, чем в Лондоне»⁴⁸.

Нехватка денег усугубляла управленческий хаос, предпосылки которого изначально присутствовали в федеральной Конституции 1953 года; они были связаны с нечетким разделением сфер «федеральной», «территориальной» и «конкурирующей» компетенций – в особенности в плане политики, касающейся коренного населения⁴⁹.

Специальная правительственная комиссия под руководством Уолтера Монктона, в конце 1950-х сформированная в Вестминстере для проверки функционирования федерации, констатировала: учреждение в Центральной Африке союза трех британских владений «усугубило распространение воинствующего африканского национализма, предоставив ему консолидирующую цель – разрушение ненавистной федерации»⁵⁰. Такой диагноз трудно было считать чем-то неожиданным, поскольку умеренные политики из числа поселенцев изначально считали внутренние диспропорции и дисбалансы своего государства крайне опасными. Так, премьер-министр Южной Родезии Гарфилд Тодд в 1956 году высказывал мнение о том, что «у федерации есть примерно десять лет, чтобы добиться успеха – изолироваться от южноафриканского расизма и стать работающей демократией». Ньясаленд, населенный черными африканцами, он называл главной проблемой, «поскольку его принудили войти в федерацию вопреки оппозиции всего населения союзу с белыми поселенцами Южной Родезии, какие бы формы этот союз ни принимал»⁵¹.

Опасения южнородезийского деятеля оказались пророческими: именно Ньясаленд, отличавшийся ничтожной долей белого населения, послужил детонатором той мины, которая в конечном счете покончила с федерацией. В 1959 году националисты этой территории, которых возглавлял Хастингс Банда, пламенный борец за независимость своей страны и ее будущий бесценный диктатор, развернули кампанию так называемого «регулируемого насилия», вскоре перекинувшуюся на Южную Родезию. Беспорядки быстро были подавлены, поддержавшие их организации подверглись роспуску, 59 африканцев были убиты, а около 1500 арестованы. Власти ввели чрезвычайное положение, и федерация устояла: но беда была в том, что против нее, образно выражаясь, начала высказаться сама эпоха.

48 GANN L.H. *Op. cit.* P. 143.

49 См.: ВАХТЕР G.H., ХОДЖЕНС P.W. *Op. cit.*

50 DIXON R.D. *Op. cit.* P. 183.

51 Цит. по: Меморандум представителя США в Совете по опеке ООН Мейсона Сиарса, 15 февраля 1956 года // *История Африки в документах, 1870–2000. Т. 2: 1919–1960* / Под ред. С. Мазова, А. Давидсона. М.: Наука, 2007. С. 49.

Мирный «захват» площадки ООН молодыми государствами, освобождавшимися от колониальной зависимости, резко менял настроения международного сообщества.

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

«К тому времени, когда состоялось голосование по Всеобщей декларации [то есть к 1948 году], членами ООН были 58 государств; в последующие несколько лет их совокупное число увеличилось настолько внушительно, что очень скоро афро-азиатский блок на Генеральной Ассамблее мог брать верх в голосованиях – правда, с помощью Советского Союза. Еще через несколько лет – в особенности после 1960 года, когда к ООН присоединились шестнадцать африканских государств, – он мог уже делать это без всякого постороннего содействия»⁵².

Применительно к английской Центральной Африке подобный поворот парадоксально выливался в то, что «здешних африканцев зачастую стали изображать теми же красками, какими либералы и социалисты 1900-х рисовали буров – как храбрый народ, героически защищающий свое наследие от британского “варварства”»⁵³.

Наиболее пагубным для судеб союза оказалось то, что к концу 1950-х спиной к нему повернулся довольно быстро разраставшийся чернокожий средний класс, разочаровавшийся в декларируемых властями Солсбери принципах расового партнерства.

Суть проблемы заключалась совсем не в том, что на всех трех федеральных территориях активно разворачивались и набирали популярность организации африканских националистов. Наиболее пагубным для судеб союза оказалось то, что к концу 1950-х спиной к нему повернулся довольно быстро разраставшийся чернокожий средний класс, разочаровавшийся в декларируемых властями Солсбери принципах расового партнерства.

«Африканскую элиту воодушевляло наивно-оптимистичное убеждение, что господствующее белое население в состоянии реформировать себя. В 1950-е она позволила убедить себя в разумности собственного участия в мультирасовом и либеральном эксперименте “партнерства”, которой пропагандировался властями федерации»⁵⁴.

52 MOYN S. *The Last Utopia: Human Rights in History*. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2010. P. 95.

53 GANN L.H. *Op. cit.* P. 144.

54 МЛАМБО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965*. P. 93.

Речь здесь идет о народившейся в условиях послевоенного экономического бума прослойке чернокожих, которые имели образование, занимались квалифицированным трудом и были экономически состоятельными – в нее входили клерки, учителя, проповедники, журналисты, врачи, адвокаты и прочая интеллигенция. Многие представители этого слоя, обладая избирательными правами, активно участвовали в деятельности таких ориентированных на диалог организаций, как, например, «Общество Козерога»⁵⁵. В отличие от других чернокожих, они с энтузиазмом отнеслись к учреждению федеративного союза, рассчитывая, что новое государство сумеет отучить Южную Родезию от ее сегрегационных обыкновений. Поселенческая иерархия, однако, не оценила их усилий, что позже самым негативным образом сказалось на судьбах федерации. Есть все основания согласиться с гипотезой, высказываемой специалистом по истории Зимбабве: «Если бы белый истеблишмент распахнул двери для образованной [черной] элиты, то подъем воинствующего африканского национализма удалось бы надолго отсрочить»⁵⁶.

Последней каплей, переполнившей чашу терпения этого политически активного слоя, стал «кабинетный бунт» 1958 года, в ходе которого премьер-министр Южной Родезии Гарфилд Тодд, пытавшийся проводить политику гармонизации взаимоотношений между расами, был смещен с поста собственными коллегами-министрами. В вину ему ставилось попустительство в отношении черных националистов. Этот демарш белой реакции безвозвратно покончил с «политикой чаепитий», в которую до поры с энтузиазмом втягивались передовые чернокожие. После своего смещения Тодд создал новую организацию – «Объединенную партию Родезии», – но в конце того же года она проиграла выборы «Объединенной федеральной партии», которую возглавлял Эдгар Уайтхед. Эта победа окончательно убедила черных коллаборационистов в том, что сегрегация одолела партнерство, а их усилия оказались напрасными. В 1959 году новое правительство использовало всю свою мощь, чтобы подавить кампанию «регулируемого насилия», упоминавшуюся выше. Но пресечь радикализацию африканцев было уже невозможно: еще в декабре 1958 года, встретившись на Конференции народов Африки в недавно получившей независимость Гане, националистические лидеры двух Родезий и

55 Южнородезийское «Общество Козерога» было основано в 1947 году героем войны, полковником Дэвидом Стирлингом, для продвижения партнерства двух рас. Стирлинг не просто одобрял федеративный союз 1953 года, но предлагал расширить его за счет Кении, Уганды, Танганьики, Занзибара и Бечуаналенда (ныне Ботсвана). Такая грандиозная федерация, по его мнению, могла бы эффективно противостоять угрозам, исходящим от «африканеров, коммунистов, азиатских иммигрантов и черных националистов». См.: ВЛАКЕ R. *Op. cit.* P. 262.

56 МЛАМВО А. *From the Second World War to UDI, 1940–1965.* P. 93.

Ньясаленда договорились о консолидированной борьбе за роспуск федерации и последующее наделение ее обломков независимостью по принципу «один человек – один голос». Начавшиеся через пару месяцев волнения в Ньясаленде стали лишь первой ласточкой.

Дальнейшие события напоминали классическую цепную реакцию. Антифедералистское ожесточение чернокожего населения возбудило крайне правый фланг поселенческого истеблишмента, который тоже начал пересматривать свои былые установки относительно административно-территориального устройства Центральной Африки. Между тем кабинет Уайтхеда, который взял курс на быструю индустриализацию, благотворную для обоих расовых сообществ, обеспечил принятие в 1961 году новой Конституции страны, впервые предусматривавшей расширение избирательного права для африканцев и их прямое представительство в легислатуре (из 65 депутатских мандатов для коренных жителей резервировались пятнадцать). Поначалу Уайтхед даже преуспевал: мало-помалу расширяя права африканцев, он понемногу отодвигал от власти белых экстремистов, которые были разобщены – причем этот курс поддерживали бизнес, пресса и общество. Однако битва была уже безнадежной: ее успех связывался исключительно с сохранением федерации как целого, а к концу 1950-х правительство тори в Лондоне поставило на ней крест. В результате, «как только европейское меньшинство осознало, что уступки не умиротворяют черных националистов и не гарантируют сохранения федерального государства, они выступили против Уайтхеда»⁵⁷.

Радикалы-расисты опасались, что активность черных националистов так или иначе, но вынудит Великобританию наделить составные части Центральной Африки независимостью, причем с соблюдением всех правил мажоритарной демократии. По крайней мере правящим кругам Солсбери такой вариант казался категорически неприемлемым. В 1962 году выступавшая за сохранение *status quo* партия «Родезийский фронт», одолев более умеренных конкурентов, выиграла выборы в Южной Родезии, в результате чего в законодательных собраниях *всех трех частей* Федерации Родезии и Ньясаленда восторжествовали сторонники ее роспуска. На следующий год громкий эксперимент был официально завершен при полном единодушии трех сторон, а спустя еще два года, в 1965-м, белые поселенцы Южной Родезии, весьма огорчив Лондон, в одностороннем порядке провозгласили независимость своей страны от Великобритании – с сохранением принципов расовой сегрегации, разумеется. Скептицизм же тех африканских лидеров, которые с самого начала считали

АНДРЕЙ ЗАХАРОВ
ФЕДЕРАЦИЯ РОДЕЗИИ
И НЬЯСАЛЕНДА В ИСТОРИ-
ЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ...

57 GANN L.H. *Op. cit.* P. 150.

федеративный союз Центральной Африки уловкой белых эксплуататоров, был подкреплен свежими аргументами.

НЕМНОГО ФЕДЕРАЛИСТСКОЙ ТЕОРИИ

Предпринятый выше анализ позволяет заключить, что в ходе создания недолговечной Федерации Родезии и Ньясаленда неоднократно и грубо были проигнорированы азы федералистской теории. «Отцы-основатели» нового государства как будто бы нарочно пренебрегали истинами, которые даже в то время считались общеизвестными и подтвержденными. Упомяну лишь некоторые из них.

Радикалы-расисты опасались, что активность черных националистов так или иначе, но вынудит Великобританию наделить составные части Центральной Африки независимостью, причем с соблюдением всех правил мажоритарной демократии.

Во-первых, здоровому федеративному союзу противопоказано наличие очевидного и бесспорного гегемона: его либо не должно быть вовсе, либо же его мощь должна уравниваться совокупным потенциалом остальных членов. Как отмечает Рональд Уоттс, «серьезный диспаритет в населении, размере территории и богатстве составных частей, безусловно, способствует возникновению стрессов внутри федерации»⁵⁸. Между тем сбалансировать влияние «тяжеловеса» в лице Южной Родезии двум протекторатам заведомо было не под силу – причем ни в политическом, ни в экономическом отношении.

В-вторых, федерация не рекомендована в тех случаях, когда ее составные части слишком не похожи друг на друга и не имеют сплачивающего их общего культурного, религиозного, ценностного багажа. Учитывая, что в рассматриваемой ситуации в общем федеративном доме предлагалось жить колонизаторам и колонизируемым, рассчитывать на единый цивилизационный фундамент никак не приходилось. В этой связи уместно вновь процитировать Уоттса: «Способность федеральных институтов генерировать определенное чувство позитивного консенсуса имеет ключевое значение для функционирования федерации»⁵⁹. В Федерации Родезии и Ньясаленда такой потенциал был, к несчастью, нулевым.

⁵⁸ WATTS R. *Comparing Federal Systems*. Montreal; Kingston: McGill-Queen's University Press, 1999. P. 111.

⁵⁹ Ibid.

В-третьих, обращение к федерации как к инструментальному приспособлению («средству») в обязательном порядке должно подкрепляться культивированием ее ценностной составляющей («цели»). Даниэль Элазар пишет об этом так: «Одно из предназначений федерализма – постоянно поддерживать эту смычку реального и идеального, возвышая прозу формулы “кто, что, когда и как получает” мессианским чаянием вечной справедливости»⁶⁰. Исторический опыт свидетельствует, что там, где элиты рассматривали федерализм лишь в качестве орудия собственных политических махинаций, федеративная оболочка оказывалась пустой внутри и потому недолговечной. В бытовании любой федерации важна федералистская культура, наличие четкого понимания той высокой значимости рассредоточения власти и поощрения свободы, ради которых, собственно, и должно затеваться федеративное строительство. Из проанализированного в настоящей статье федеративного проекта этот элемент напрочь выпал.

В-четвертых, федерации держатся на плаву благодаря федеративному торгу, в котором с равными шансами на успех участвуют все имеющиеся в них элиты, но в случае Центральной Африки подобное равноправие исключалось. В этой связи Михаил Филиппов и его соавторы указывают на неизменно сохраняющуюся «вероятность того, что ни один исход [федеративного торга] не может считаться стабильным, поскольку всегда возможны другие исходы, которые будут благоприятствовать иным командам акторов»⁶¹. В Федерации Родезии и Ньясаленда, однако, изначально утвержденный федеративный дизайн серьезной корректировке вообще не подлежал: внесение поправок в союзную Конституцию допускалось лишь через десять лет после ее вступления в силу. Кроме того, норма представительства, установленная для чернокожих в федеральных органах исполнительной и законодательной власти, не позволяла им полноценно отстаивать свои интересы и фактически выводила их сообщества из процедуры федеративного торга.

В-пятых, федеративная государственность с присущей ей дисперсией власти была придумана среди прочего для защиты меньшинств от посягательств и ущемлений со стороны большинства, и в этом плане она не раз доказывала свою эффективность. Так же и в Африке, по словам Майкла Бёрджесса, «локальное предназначение федерализма виделось в основном в предотвращении тирании какой-то одной группы населения

60 ELAZAR D.J. *Exploring Federalism*. Tuscaloosa: University of Alabama Press, 1987. Ch. 3 («Federalism as Means and End»). P. 84–85. (Элазар Д. *Федерализм как цель и как средство* // Неприкосновенный запас. 2015. № 1(99). 11–32. – *Примеч. ред.*)

61 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Designing Federalism: A Theory of Self-Sustainable Federal Institutions*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. P. 34.

в гетерогенном обществе»⁶². Но в объединении двух Родезий и Ньясаленда привычная для федерализма протекция, оберегающая меньшинства, парадоксально преобразовалась в свою противоположность – в увековеченное доминирование белого меньшинства над черным большинством, которого даже в среднесрочной перспективе невозможно было сохранить ни политически, ни экономически, ни культурно.

В-шестых, любая «правильная» федерация представляет собой свободный союз объединяющихся территорий, но в изученном выше объединении по крайней мере один сегмент – Ньясаленд – оказался поневоле. Между тем, как указывает Кеннет Уэйр, учреждающие федеральную систему сообщества или государства «прежде всего должны иметь желание жить под властью единого и самостоятельного правительства. Это существенно. Если они не готовы зайти столь далеко, то вопрос о федеральном устройстве не актуален»⁶³. Кстати, трудно сказать, как сложилась бы судьба нового центральноафриканского государства, если бы британская колониальная администрация не настояла на включении этого небогатого и сплошь чернокожего владения в его состав.

В-седьмых, федеративные союзы, по мнению Уильяма Райкера, особенно эффективно цементируются двумя факторами, которые этот теоретик называл «условием обороны» и «условием экспансии». Если второе из них объективно объединяло обе Родезии и Ньясаленд, ориентируя все три территории на расширение внутреннего рынка, то со вторым была беда, поскольку восприятие внешних угроз в каждом из сегментов различалось:

«Южная Родезия опасалась черного панафриканизма, а Северная Родезия и Ньясаленд боялись белой гегемонии. Поскольку соответствующие региональные правительства тревожили противоположные вещи, у федерации не было твердой почвы, позволяющей сплотиться против общей опасности»⁶⁴.

В-восьмых, в федеративных государствах огромную роль играют партийные структуры особого типа, выходящие за рамки культурных, национальных, религиозных и прочих размежеваний, присущих многосоставным обществам. Отсутствие подобных партий крайне опасно, и опыт Федерации Центральной Африки, где так и не удалось сформировать межрасовые партийные структуры, сполна подтверждает это.

62 BURGESS M. *Federalism in Africa: An Essay on the Impacts of Cultural Diversity, Development and Democracy*. Montreal: Federal Idea – Quebec Think Tank on Federalism, 2012. P. 9 (БЁРДЖЕСС М. *Федерализм в Африке: о взаимоотношении культурного разнообразия, развития и демократии* // Неприкосновенный запас. 2020. № 5(133). С. 87–112. – Примеч. ред.)

63 WHEARE K.C. *Federal Government*. New York; London: Oxford University Press, 1947. P. 35.

64 RIKER W. *Federalism: Origin, Operation, Significance*. Boston; Toronto: Little, Brown and Company, 1964. P. 33.

«В тех местах, в которых определенные региональные группы не смогли обеспечить себе адекватного представительства в партиях и должного влияния на федеральные институты, зарождалось отчуждение, выливавшееся потом в сепаратистские движения – так было с восточными пакистанцами, сингапурскими китайцами или чернокожими Ньясаленда и Северной Родезии»⁶⁵.

Наконец, в-девятых, все перечисленное делало федерацию уязвимой перед лицом той чрезвычайно вредной разновидности федеративного торга, которая реализуется за рамками федеративных институтов. В таком торге нет ограничителей: он протекает в границах, где практически любое правило или установление, любой аспект федерального дизайна могут стать предметом переговоров и изменений⁶⁶. Фактически это такое обсуждение федеративного будущего, в котором под вопросом может оказаться даже сама целесообразность сохранения союза. Исторический опыт показывает, что федерации, допускающие подобное, не живут долго; убедительным примером здесь служит Советский Союз на исходе своих дней. Но за тридцать лет до распада СССР та же судьба – и по той же причине – постигла Федерацию Родезии и Ньясаленда.

* * *

Как и полагается, из представленной выше истории хочется вывести какую-то мораль. Это, кстати, не трудно сделать, несмотря даже на то, что в глазах среднестатистического российского читателя таинственные берега озера Ньяса и реки Замбези ранжируются где-то в одном ряду с торосами Антарктиды или пейзажами Марса. Однако политические спазмы и судороги, переживаемые сегодня нашим бедным миром, избавляют меня от необходимости подводить итоги. На наших глазах то федеративное государство, с которым мы волей или неволей знакомы лучше, чем с иными – я говорю, разумеется, о Российской Федерации, – разворачивает беспрецедентный эксперимент по центробежному перемещению собственных границ. На сегодня никто не знает, чем он завершится, но я уверен, что пищи для ума у нас будет более чем достаточно. И вот тут уж, действительно, всякое лыко в строку. Новая «федералистская» реальность, без сомнений, создаст плацдарм для новых сопоставлений, и тогда востребован будет любой, самый диковинный, опыт федерализма – пусть даже довольно экзотический и весьма обветшалый.

65 WATTS R. *Op. cit.* P. 111.

66 FILIPPOV M., ORDESHOOK P., SHVETSOVA O. *Op. cit.* P. 78.